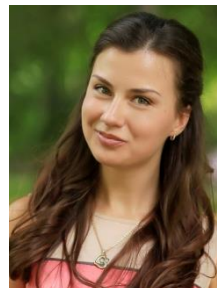

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 316.022.4

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ
СТАТУС ДИАСПОРЫ
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАКУРС¹**

Бедрик Андрей Владимирович
Кандидат социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института
социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: abedrik@bk.ru

Стукалова Дарья Николаевна
Младший научный сотрудник
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: dar.stukalova@gmail.com

Терещенко Анастасия Андреевна
Младший научный сотрудник
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: nas89043419793@mail.ru

**SOCIO-LEGAL STATUS
OF DIASPORA
IN MODERN
RUSSIAN SOCIETY:
REGIONAL PERSPECTIVE**

Bedrik Andrey V.
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, leading research worker,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: abedrik@bk.ru

Stukalova Darya N.
Junior researcher, Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: dar.stukalova@gmail.com

Tereshchenko Anastasiya A.
Junior researcher, Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: nas89043419793@mail.ru

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-33-00030 «Антропоток и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».

Статья посвящена исследованию феномена диаспоры, сравнению широкого и узкого значений данного понятия, связи диаспоры и исторической родины, дифференциации диаспоры по юридическому статусу объединения. Рассмотрены ключевые факторы внутридиаспорной интеграции, а также причины ее сегментации, проблемы утраты и воспроизводства диаспорной идентичности. Проведена классификация диаспор Ростовской области по историческому и миграционному критериям, выделены сценарии развития внутридиаспорной и междиаспорной конкуренции.

Ключевые слова: диаспора, землячество, идентичность, миграция, национально-культурная автономия, общественное объединение.

The article is devoted to the study of the phenomenon of diaspora, to the comparison of broad and narrow meanings of this concept, communications of the diaspora with its historical homeland, to the differentiation of diasporas according to the legal status of the association. The article considers the key factors of integration within the diaspora and the causes of its segmentation, the problems of loss and reproduction of diaspora identity. The article presents the classification of diasporas of the Rostov region according to historical and migration criteria, the scenarios of development of the competition within and between diasporas were emphasised.

Keywords: diaspora, community, identity, migration, national-cultural autonomy, public association.

Современное российское общество характеризуется интенсивными процессами миграции населения и усиления поликультурной мозаичности регионов – реципиентов миграционных потоков. На этом фоне усиливается актуальность гармонизации межэтнических отношений, позитивного восприятия многонациональным населением России гражданских форм идентификации при одновременном сохранении этнокультурной специфики. Зарубежный опыт мультикультурализма оказался несостоятельным как в государствах Запада, так и в российских условиях. Его несостоятельность объясняется отсутствием гарантии формирования многоуровневой идентичности, в которой бы общегосударственный компонент идентичности превалировал над этническим или конфессиональным [1, с. 165]. В этих условиях исследование социально-правового статуса диаспоры представляется актуальным, так как именно диаспоры чаще всего выступают субъектом межнациональных отношений, инструментом урегулирования межэтнических противоречий и институтом общественной дипломатии.

В широком смысле под диаспорой можно рассматривать любую этнически однородную совокупность людей, проживающих за пределами своего национального государства, исторической родины или основного этнического ядра [2, с. 94]. Широкое значение чаще всего используется в политическом, журналистском и публицистическом дискурсах в отношении любых типов этнических меньшинств. Однако, с нашей точки зрения, диаспору следует рассматривать как этническое

меньшинство, обладающее следующими необходимыми признаками. Во-первых, диаспора является результатом миграции и формируется на третьей стадии миграционного процесса – адаптации мигрантов [3, с. 48]. В дальнейшем уже сама диаспора выступает аккумулятором новых миграционных волн, становясь ядром миграционного притяжения и основой сетевого механизма функционирования миграционных потоков. Так, формирование армянской диаспоры на Дону имело несколько исторических этапов и развивалось через региональные этнические сети миграции, что привело к появлению нескольких субдиаспорных групп армян на территории Ростовской области [4, с. 17–19].

Во-вторых, диаспорой является далеко не любая демографическая совокупность этнического меньшинства, а лишь та, которая характеризуется высоким уровнем групповой интегрированности, что выражается в анклавной локализации, организационно-правовой институционализации или в групповых практиках на основе общей этнокультурной самоидентификации. Соответственно, статистически учитываемое этническое меньшинство, имеющее дисперсный характер проживания, не является диаспорой в узком смысле слова. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории Ростовской области проживает 754 болгарина [5, с. 13–14]. Однако анализ результатов переписи в разрезе городов и муниципальных районов Ростовской области показывает, что ни в одном из населенных пунктов болгары совокупно не образуют численную группу более 30 человек (исключение – г. Ростов-на-Дону). Такой характер дисперсного проживания ограничивает возможности коллективных социокультурных практик болгар, является одной из причин отсутствия на территории региона их национально-культурного объединения и не дает возможности использовать в их отношении термин «диаспора».

В-третьих, базовым фактором формирования групповой интегрированности членов диаспоры является наличие или представление о наличии исторической родины [6, с. 244]. Чаще всего идея исторической родины находит воплощение в лице национального государства или этнического региона внутри другого государства. Так, на территории Ростовской области проживают имеющие соответствующие национально-культурные объединения диаспоры греков, поляков, немцев, евреев, корейцев, армян, грузин, азербайджанцев, украинцев, белорусов, узбеков, таджиков, киргизов, а также не институционализованные в общественные организации молдаване, абхазы и казахи. Наличие внешнего национального государства отличает диаспоры от коренных национальных меньшинств (примером таковых на Юге России

являются шапсуги, проживающие в районе Большого Сочи Краснодарского края), а также от этносов, имеющих в составе России свои национально-территориальные единицы. Статус диаспоры в отношении татар, осетин или чеченцев, проживающих в Ростовской области, является неоднозначно трактуемым, так как сами эти народы являются коренным населением России и не имеют иного национально-государственного образования, кроме как в статусе субъекта Российской Федерации. Кроме того, в процессах воспроизводства диаспорных идентичностей отдельную роль играют конфессиональный и расовый факторы. Это проявляется на примере корейской диаспоры, а также африканских землячеств (преимущественно студенческих).

Использование внешнего государства как ключевого фактора выделения диаспоры имеет свои ограничения. Так, проживающие в Ростовской области и других регионах России цыгане, ассирийцы, курды и езиды не имеют своего национального государства, но традиционно рассматриваются как диаспоры. Если в случае с ассирийцами, курдами и езидами можно говорить о наличии иностранного государства, в котором локализовано их этническое ядро (Ирак, Сирия, Турция), то общемировой характер расселения цыган препятствует выделению их этнического ядра в каком-либо одном государстве. В этом случае фактором диаспорной консолидации является не факт наличия исторической родины, а представление о ней (мифологическая историческая родина).

Учитывая все вышеизложенные факторы, диаспора рассматривается нами как этническое меньшинство, проживающее за пределами своей исторической родины (национального государства или государства, в котором расселена основная совокупность этноса) и образующее на территории своего компактного проживания социально интегрированное сообщество по признаку этнокультурного самоопределения. Данное узкое значение диаспоры учитывает еще один фактор ее существования – институциональный. В соответствии с ним диаспора отождествляется с национально-культурным объединением, образуемым в соответствии с существующими правовыми требованиями. Правовой аспект выделения диаспоры имеет очевидный недостаток: группа может быть реально интегрирована, характеризоваться актуальным уровнем этнической и диаспорной идентичности, а также регулярными внутригрупповыми практиками социального взаимодействия, отражая интересы и защищая права этнической общности, но при этом не иметь юридической регистрации. И наоборот, группа может иметь соответствующую регистрацию, но функционировать фор-

мально, не быть вовлеченной в повседневную жизнь общины, не пользоваться авторитетом среди представителей данного этнического меньшинства.

Однако уместность узкой социально-правовой трактовки феномена диаспоры объясняется тем, что, только приобретая юридически оформленный статус, диаспора может выступать полноправным субъектом общественной жизни и международных отношений, агентом общественной дипломатии, полноценно осуществлять функцию представительства этнических интересов и их защиту. В отношении же этнических меньшинств, юридически не институционализированных, но характеризующихся регулярными и реальными практиками внутригруппового взаимодействия, может быть использовано альтернативное понятие – «этнические общины», диаспорного типа. Кроме того, распространенной формой общественного объединения по этно-территориальному признаку выступают землячества. С одной стороны, они имеют наднациональный характер и объединяют людей исходя из их территориальной идентичности. С другой – из опыта существования землячеств в российском обществе они образуются на этнотерриториальной основе, объединяя близкие по культуре и имеющие общую локальную историю народы. Так, в Ростовской области созданы и функционируют карачаево-балкарское землячество и землячество народов Дагестана.

Организационно-правовая институционализация диаспоры может осуществляться в форме общественной организации или национально-культурной автономии. Оба типа данных организаций подлежат обязательной государственной регистрации в соответствии с требованиями ФЗ РФ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ или ФЗ РФ «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ и в этом случае приобретают права юридического лица и заносятся в реестр юридических лиц [7, с. 69]. Получив официальный статус юридического лица, национально-культурные объединения или автономии могут участвовать в выработке решений органов государственной власти и местного самоуправления, представлять и защищать свои права и интересы своих членов, участвовать в программах финансовой поддержки деятельности общественных институтов, в конкурсных процедурах на получение грантов.

Поскольку национально-культурные автономии часто тесно связаны со странами их происхождения, они зачастую финансируются за счет не только членских взносов, но и финансовой поддержки от стран происхождения. Однако получение средств из иностранных источни-

ков предполагает особые условия. В соответствии с п. 6 статьи 2 ФЗ РФ «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ общественное объединение (некоммерческая организация) приобретает статус иностранного агента, если «получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ)... и которая участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации» [8, с. 110]. Статус иностранного агента на уровне общественного сознания имеет ярко выраженную негативную ассоциацию, и большинство национально-культурных объединений избегают его приобретения.

Подобные установки особенно усиливаются в случае обострения межгосударственных отношений между национальным государством, с которым идентифицирует себя диаспора, и Россией [9, с. 56]. Одновременно статус иностранного агента является одним из факторов распространения ведомственного национализма [10, с. 143]. Так, в процессе развития российско-украинского противостояния проблема сохранения связи с исторической родиной усугубила положение украинских национально-культурных объединений. Государственный переворот в Киеве, изменение государственной принадлежности Крыма, боевые действия в районе Донбасса стали причинами распространения в российском обществе негативных стереотипов в отношении украинцев и соответственно в отношении институтов украинской диаспоры, что привело к ее маргинализации и массовому распространению в публичной риторике негативных этнических маркеров в отношении украинцев («бендеровцы», «укропы» и т.д.). Несмотря на это, национально-культурные объединения украинцев (в т.ч. в Ростовской области) выступают агентами общественной дипломатии, которые не только выполняют функцию по сохранению позитивного имиджа украинцев в российском обществе, но и обеспечивают связи России с конструктивными силами в самой Украине. Такая роль усиливает разрыв диаспоры с национальным государством и представляющими его в России дипломатическими службами.

Аналогичные противоречия между чувствами к исторической родине и государству гражданской принадлежности прослеживаются в

случае с турецкой диаспорой Дона. Последняя Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала на территории Ростовской области 35 902 турка-месхетинца [11, с. 120]. Следует отметить, что сами представители этого народа идентифицируют себя не как турки-месхетинцы, а как турки. Новое название произошло от области их исторического расселения – Месхетии (историко-культурный край в Грузии), где сложилась их диаспора. Таким образом, приставка «месхетинец» является экзоэтнонимом, который используется для дифференциации этой субэтнической общности от «классических» турок (или турок-османов), проживающих непосредственно в самой Турции. В настоящее время некоторые представители этого субэтнуса приняли данную идентификационную категорию, но подавляющее большинство народа по-прежнему идентифицирует себя именно с турками. Несмотря на фактическое отсутствие связи с исторической родиной, которой скорее выступает Грузия, чем Турция, донская турко-месхетинская община идентифицирует себя как часть общемировой турецкой общины. В условиях обострения российско-турецких отношений произошел кризис диаспорной идентичности турок-месхетинцев. Лидеры турецко-месхетинской общины, институционализированной в статусе культурного центра «Ахыска», солидаризированы по вопросу о российско-турецком взаимодействии с официальной позицией российского руководства и транслируют ее среди членов диаспоры, актуализируя среди молодежи гражданские формы идентификации при одновременном сохранении этнокультурного своеобразия.

В случае с турецкой и украинской диаспорами нами фиксируется проблема кризисной идентичности, в рамках которой конкурируют два объекта идентификации: национальное государство и государство гражданской принадлежности. Фактор конкуренции характеризуют и другие аспекты жизнедеятельности диаспор. Так, в социальном пространстве южнороссийского региона можно выделить примеры внутридиаспорной и междиаспорной конкуренции. Междиаспорная конкуренция проявляется в случаях, когда между народами, чьи диаспоры проживают в регионе, исторически сложились конфликтные отношения, связанные с территориальными спорами их национальных государств, этностатусными проблемами и т.д. Подобные тенденции зачастую можно наблюдать на примерах армянской и азербайджанской диаспор, что осложняется эскалацией этнополитической напряженности в зоне нагорнокарабахского конфликта. Однако все возможные противоречия между официальными институтами нивелируются дей-

ствиями официальных властей, не допускающими публичной демонстрации межнациональных противоречий.

Внутридиаспорная конкуренция имеет большее число проекций. Она может развиваться по межэтническому сценарию, если община имеет статус землячества и, соответственно, внутри нее несколько этнических общностей претендуют на статус лидеров (например, между чеченцами и ингушами, различными народами Дагестана и т.д.). Другим сценарием развития внутридиаспорной конкуренции являются субэтнические противоречия внутри общины (например, в армянской общине конкурируют исторический компонент диаспоры и новый компонент, имеющий различную региональную природу формирования – ереванские, сухумские, бакинские, среднеазиатские армяне и т.д.) [4]. Третий сценарий воплощает межконфессиональную конкуренцию внутри диаспоры (например, между суннитской и шиитской частями азербайджанской диаспоры, между ортодоксальной и реформистской частями еврейской общины и др.). И наконец, четвертый сценарий связан с конкуренцией нескольких лидеров внутри одной диаспоры, что приводит к институциональным расколам общины и образованию нескольких альтернативных национально-культурных объединений (например, польская община Дона имеет две общественные организации – «Полония Дона» и «Союз поляков Дона»). Эти процессы совокупно приводят к субдиаспоризации и негативно сказываются на характере развития межэтнических отношений в регионе.

Восприятие социально-правового статуса диаспоры обусловлено еще двумя факторами: историческим и миграционным. Исторический фактор связан с продолжительностью присутствия диаспоры в социокультурном пространстве региона. Категорию исторических (или традиционных) диаспор составляют общины, имеющие многопоколенческий опыт присутствия в регионе (в Ростовской области это армяне, греки, евреи, немцы, поляки). Новыми диаспорами можно считать общины, имеющие несколько поколений присутствия в регионе. В настоящее время в Ростовской области это народы бывшего СССР, заселявшие регион в период его существования (азербайджанцы, грузины, белорусы и т.д.). Новейшие же диаспоры Ростовской области (или диаспоры первого поколения) представлены среднеазиатскими общинами (киргизы, узбеки, таджики) и элементами «этнической экзотики» региона (китайцы, афганцы, персы, арабы). Исторический фактор отчасти совпадает с миграционным, так как большинство традиционных диаспор Ростовской области не испытывают какого-либо миграционного притока, а наоборот, характеризовались эмиграцией своих членов

на фоне интенсивной ассимиляции стационарной части общины (исключение – армянская диаспора). Новые и новейшие же диаспоры из числа кавказских и среднеазиатских народов характеризуются обильным миграционным притоком населения в постсоветский период при актуальном уровне своей этнической и конфессиональной идентичности, что привело к их быстрой институционализации. Например, перепись 2002 г. зафиксировала на территории Ростовской области 466 киргизов, а уже следующая перепись 2010 г. отмечает проживание в регионе 1648 киргизов [5]. На фоне такого демографического скачка численности диаспоры была 8 октября 2007 г. зарегистрирована Ростовская городская Кыргызская национально-культурная автономия «Киргизия-Дон» [13].

Таким образом, в социально-правовом отношении диаспорой следует рассматривать не любую демографическую совокупность этнического меньшинства, а только те общины, которые интегрированы вокруг идеи общей исторической родины в лице национального государства (либо государства с локализованным в нем этническим ядром) и имеют официальные национально-культурные общественные объединения. Миграционные процессы являются исходным фактором формирования диаспоры и ресурсом ее демографического воспроизводства. Одновременно миграционный отток членов диаспоры на фоне усиления ассимиляционных процессов выступает фактором размывания диаспорной идентичности [15, с. 6]. Усиление же миграционного прироста диаспоры способствует не только усилению тенденции к ее институционализации, но провоцирует также ее субдиаспоризацию и рост внутрдиаспорной конкуренции. Инструментом регулирования процессов социокультурного воспроизводства диаспоры является государственная национальная политика, осуществление которой непосредственно возложено на общенациональном уровне на Федеральное агентство по делам национальностей РФ, а в Ростовской области – на отдел по вопросам межнациональных отношений управления социально-политических коммуникаций правительства Ростовской области. Однако недостатком региональной системы управления сферой межнациональных отношений является отсутствие региональной площадки постоянного взаимодействия и локализации национально-культурных объединений, таких как Московский дом национальностей или Центр национальных культур в Краснодарском крае. Такая площадка способствовала бы гармонизации межнациональных отношений в регионе, развитию сотрудничества национально-культурных объединений между собой и с органами государственной власти и местного

самоуправления, содействовала бы всестороннему участию национально-культурных объединений (в том числе диаспор) во всем комплексе региональных мероприятий в рамках реализации государственной национальной политики РФ.

Литература

1. Дегтярев К.Г., Черноус В.В. Права человека и «сепаратистские» требования мультикультурализма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 4.
2. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). Ростов н/Д.; Пятигорск, 2002.
3. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.
4. Армяне Юга России: опыт социологического исследования / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.; М., 2011.
5. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : стат. сб. Ростов н/Д., 2012.
6. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
7. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003.
8. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2004.
9. Полоскова Т.В. Современные диаспоры: внутривластные и международные аспекты. М., 2002.
10. Бедрик А.В., Дьяченко А.Н. Ведомственный национализм в современном российском обществе: этнократия или мигрантофобия? // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4.
11. Бедрик А.В. Социальная адаптация этнических мигрантов в Ростовской области. Ростов н/Д., 2007.
12. Денисова Г.С. Конфликтogenicность социокультурного пространства Ростовской области. Ростов н/Д., 2007.
13. Сайт «Народы Дона» [Электронный ресурс]. URL: [http:// народыдона.рф/](http://народыдона.рф/)

References

1. Degtyarev K.G., Chernous V.V. Prava cheloveka i «separatistskie» trebovaniya multikulturalizma // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2014. № 4.
2. Astvazaturova M.A. Diaspory v Rossiyskoy Federacii: formirovanie i upravlenie (Severo-Kavkazskiy region). Rostov n/D.; Pyatigorsk, 2002.
3. Rybakovskiy L.L. Migraciya naseleniya (voprosy teorii). M., 2003.
4. Armyane Yuga Rossii: opyt sociologicheskogo issledovaniya / otv. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D.; M., 2011.
5. Osnovnye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda : stat. sb. Rostov n/D., 2012.
6. Tishkov V.A. Rekviem po etnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoy antropologii. M., 2003.
7. Khabrieva T.Ya. Nacional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossiyskoy Federacii. M., 2003.
8. Osipov A.G. Nacional'no-kul'turnaya avtonomiya. Idei, resheniya, instituty. SPb., 2004.
9. Poloskova T.V. Sovremennye diaspory: vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty. M., 2002.
10. Bedrik A.V., D'yachenko A.N. Vedomstvennyy nacionalizm v sovremennom rossiyskom obshchestve: etnokratiya ili migrantofobiya? // Gumanitariy Yuga Rossii. 2015. № 4.
11. Bedrik A.V. Social'naya adaptaciya etnicheskikh migrantov v Rostovskoy oblasti. Rostov n/D., 2007.
12. Denisova G.S. Konfliktogennost' sociokul'turnogo prostranstva Rostovskoy oblasti. Rostov n/D., 2007.
13. Sayt «Narody Dona». URL: http://narodydona.rf/ethno_groups/096e3481-

ethno_groups/096e3481-b45a-4c77-8e9b-77308a52ce27 (дата обращения: 25.06.2016).

14. *Хоперская Л.Л., Харченко В.А.* Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. Ростов н/Д., 2005.

15. Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения : сб. ст. / колл. авт.; под ред. А.В. Дмитриева. М., 2016.

b45a-4c77-8e9b-77308a52ce27 (data obrashcheniya: 25.06.2016).

14. *Khoperskaya L.L., Kharchenko V.A.* Lokal'nye mezhyetnicheskie konflikty na Yuge Rossii: 2000–2005 gg. Rostov n/D., 2005.

15. Diaspory i zemlyachestva: opyt regional'nogo izmereniya : sb. St. / koll. avt.; pod red. A.V. Dmitrieva. M., 2016.